

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-81-87>

УДК 008+392

ББК 63.5+71.05

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. А. Запека
г. Москва, Россия

УЧЕНИЕ О КОММЮНОТАРНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЗДНЕГО Н. А. БЕРДЯЕВА

Аннотация: В работе «О рабстве и свободе человека», написанной и изданной уже в эмиграции, мы встречаем у Н. А. Бердяева такое понятие, как «коммунотарность»: «...личность человеческая должна быть в свободном общении, в свободной общности, в коммунотарности, основанной на свободе и любви». Понятие коммунотарности близко к понятию соборности, которая, по словам Бердяева, стала «творческим открытием» А. С. Хомякова. Соборность в понимании Хомякова есть прежде всего органическое единство в свободе на основе взаимной любви. Идею коммунотарности нельзя считать главной в бердяевской философии (как то соборность у Хомякова), но он отводил ей в своих построениях далеко не последнее место. «Коммунотарность» и «соборность» — понятия близкие, но вряд ли их стоит рассматривать как совершенно тождественные. Бердяев соотносит понятие «коммунотарность» с понятиями «коллектив» и «соборность». Коммунотарность есть общность и общинность личностей, она персоналистична, тогда как в «коллективной реальности» человек перестает быть высшей ценностью. Пафос свободы Бердяева много сильнее того, который присущ Хомякову. Поэтому и в трактовке отношения «свобода — соборность», «свобода — коммунотарность» приоритеты Хомякова и Бердяева не совпадают. Бердяев связывает свой персонализм с идеей коммунотарности: личность коммунотарна, она раскрывает свой образ через проникновение личностью Божественной и через проникновение другой человеческой личностью. Свобода представляется Бердяеву главным условием становления и самого существования человека как личности; именно свобода позволяет человеку определиться в его неповторимом бытии. Утверждение коммунотарности как третьей свободы, наряду с различаемыми Бердяевым свободой иррациональной, избирающей (первой) и свободой разумной, просветленной (второй), не является бесспорным, и все же с ним можно согласиться.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, свобода, коммунотарность, А. С. Хомяков, личность, соборность, персонализм.

Информация об авторе: Оксана Анатольевна Запека — кандидат философских наук, заведующая кафедрой славяноведения и культурологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: zana5@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 10.05.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Запека О. А. Учение о коммюнитарности в творчестве позднего Н. А. Бердяева // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 81–87.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-81-87>

Философское творчество Н. А. Бердяева представляет собой стремление выразить при помощи образно-художественных средств внутренний опыт, передать то, что открывает ему некий глубинный голос. Все темы, вызывающие интерес философа, глубоко им переживаются и приобретают личностную окраску. Бердяев «не только не стремится избежать субъективности, эмоциональной пристрастности своей мысли — напротив, он сознательно ее подчеркивает; он всегда пишет не только свое — о чем бы он ни говорил, он пишет о себе, ибо все относит к себе и понимает именно через это отнесение» [5, с. 4].

Бердяев «произошел из свободы», ее он почитал своей родительницей. Его обостренное чувство личности, личного достоинства питала именно эта свобода: «все, что я утверждал, я утверждал после свободы и из свободы», поскольку «опыт свободы есть первичный опыт» [1, с. 51]. В «Самопознании» Бердяев не раз уточняет значение свободы: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Самое состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем» [1, с. 56].

Н. А. Бердяев полагал возможным решение проблемы свободы только в рамках христианской философии, которая есть философия свободы, и исходить при этом следует «из идеи Богочеловечества». По его мнению, построить решение проблемы свободы лучше всего удалось бы русской религиозной философии, понимающей свободу «как индетерминизм и бесконечность».

Бердяева интересовало более всего объяснение связи его типа философского мирозерцания с типом его «душевной и духовной структуры». Именно эта связь обуславливала, по мнению Бердяева, экзистенциальный характер его философствования. В этой связи русский мыслитель отмечал: «...философия связана была для меня с моей судьбой, с моим целостным существованием, в ней присутствовал познающий как существующий. Я всегда хотел, чтобы философия была не о чем-то, а чем-то, обнаружением первоальности самого субъекта» [1, с. 88].

Позиция Бердяева формировалась как ответ на вызов времени. Большинство его антропологических и историсофских пророчеств до сих пор остаются в силе. Бердяев одним из первых в XX в. выступил с критикой «массового общества». Как точно заметила Р. А. Гальцева, Бердяев «стремится сохранить аристократизм культуры и распространить ее вширь, т. е. как раз исполнить завет христианства, которое, по его же формуле, «и аристократично, и демократично» [6].

В работе «О рабстве и свободе человека», написанной и изданной уже в эмиграции, мы встречаем у Бердяева такое понятие, как «коммюнитарность»: «...личность человеческая должна быть в свободном общении, в свободной общности, в коммюнитарности, основанной на свободе и любви» [4, с. 40]. В коммюнитарности, как свободном общении, происходит частичная реализация личности (абсолютная реализация

возможна только в вечности, в Боге) и обретение ею «другого». Личность человеческая тоскует как по Другому — Высшему (Богу), — так и по другому — равному («ближнему»). Личность слышит призыв Бога и выступает за свои пределы, отвечая на этот призыв; в совершающемся трансцендировании происходит встреча человека с Богом, их соединение, слияние, благодаря чему достигается искомая полнота. Если совершенная полнота достижима лишь в Боге, т. е. реализуется, как уже было сказано, в вечности, то относительная полнота достигается через соединение с другим, с «ты», с субъектом, с которым «Я» вступает в общение (в данном случае под «субъектом» и «другим» подразумевается не Бог, а человек, «ближний»). «Личность есть “Я” и “ты”, другое “Я”. Но “ты”, к которому выходит “Я” и входит в общение, не есть объект, есть другое “Я”, личность. С объектом же общение невозможно» [4, с. 38]. «Другой» видится не как отчуждение собственного «Я», угроза ему, но, наоборот, «другой» переживается как мой «другой», составляющий мою полноту. Подобный взгляд на отношения между «Я» и «ты» является одной из основ персонализма.

Нужно заметить, что эта позиция претерпела у Бердяева некоторую эволюцию. Точка зрения, изложенная выше, характерна для более позднего периода творчества философа. В книге «Опыты философские, социальные и литературные», вышедшей в свет в 1907 г., находим следующее: «...утверждение примата “Я” над “ты”, с нашей точки зрения будет не имморализмом (Ницше), а величайшим торжеством настоящей нравственности» [3, с. 75]. Далее он продолжает: «Наше настоящее “Я”, то “Я”, которое имеет абсолютную ценность, которую мы должны утверждать и осуществлять и за права которой мы должны бороться, — это духовное идеальное “Я”, наша нравственно-разумная природа. Быть эгоистом (это — я) в этом смысле и значит быть нравственным человеком, быть личностью» [3, с. 76].

Из приведенных выше отрывков следует, что «Я» не просто превосходит, но преодолевает «ты». «Ты», как мое «другое», вообще не существует. При этом личности не противопоставляются друг другу, но каждая из них существует только как «Я», как духовное идеальное «Я», стремящееся к совершенству, к идеальному духовному состоянию. «Я» открывается только Богу, своему высшему Другому, но не впускает в себя «ты» как «другое», не открывается, не выходит к нему. «Я» как бы замыкается на самом себе как высшей ценности и цели: «...каждый человек должен относиться к другому человеку не как к “ты”, <...> а как к “Я”, к такой цели самой в себе, как и он сам» [3, с. 77]. Тем самым право на существование другого «Я» не оспаривается, другое «Я» имеет такую же ценность, как и мое «Я», но мне нет до него никакого дела, оно мне безразлично, у меня и у другого равные права, и я не собираюсь их узурпировать, я их уважаю, но другое «Я» мне чуждо, я в нем не нуждаюсь. Главное для меня — стремление к достижению высшего блага или идеального духовного состояния, которое осуществимо лишь в вечности, и его реализация связана с Божеством, воплощающем в Себе идеал окончательного совершенства. На пути к достижению высокого идеала происходит нравственное развитие, нравственное совершенствование личности. «Просто любить ближнего нельзя, нельзя и признать в нем родную человеческую природу; я могу любить в нем лишь то третье, которое выше нас и которого мы являемся индивидуальным образом; путь от человека к человеку только через Единое, только Единое может любить, только Его и можно любить в каждом человеке» [3, с. 182]. В воспроизведенном фрагменте из уже упоминавшейся книги Бердяева «Опыты...» четко выражена та мысль, согласно которой человек имеет ценностное значение лишь постольку, поскольку он есть образ и подобие Божье.

Личность способна слышать призыв другого человека, другого «Я», она слышит и призывает сама. Встреча человека с человеком совершается посредством коммюнитарности, т. е. свободного общения. В общении они дополняют друг друга, их объединяет общее стремление к достижению духовного совершенства, заключенного в божественной полноте.

На наш взгляд, понятие коммюнитарности близко к понятию соборности, которая, по словам Бердяева, стала «творческим открытием» А. С. Хомякова. Соборность в понимании Хомякова есть прежде всего органическое единство в свободе на основе взаимной любви. Идею коммюнитарности нельзя считать главной в бердяевской философии (как то соборность у Хомякова), но он отводил ей в своих построениях далеко не последнее место.

«Коммюнитарность» и «соборность» — понятия близкие, но вряд ли их стоит рассматривать как совершенно тождественные, хотя и то, и другое кратко можно определить как «свободное общение в любви»¹. Бердяев соотносит понятие «коммюнитарность» с понятиями «коллектив» и «соборность». Если коммюнитарность есть непосредственное отношение человека к человеку через Бога, как «внутреннее начало жизни», то коллективизм есть отношение человека к человеку через отношение его к «коллективной реальности» или псевдореальности, к обществу объективированному, подавляющему человека. Коммюнитарность есть общность и общинность личностей, она персоналистична, тогда как в «коллективной реальности» человек перестает быть высшей ценностью, поскольку коллективизм переносит «нравственный «экзистенциальный центр», совесть человека, его способность к суждениям и оценкам из глубины человеческой личности в квазиреальность, стоящую над человеком» [2, с. 293]. В общении людей начинает проявляться коллективизм, когда утверждается авторитарность. В отличие от коллектива, Церковь есть безусловная реальность, а церковная соборность не означает авторитет. Соборность есть «пребывание в общении и любви церковного народа и Духа Святого» [2, с. 295]. Церковное общество не есть коллектив, оно есть духовно-мистический «организм».

Коммюнитарность и соборность необходимо предполагают свободу и самоценность каждой личности. Коммюнитарность, как и соборность, означает «общность и братство людей», она есть духовное начало, но не надстоящая реальность. Коммюнитарность Бердяев определяет как качество личной совести, «которая не может быть замыканием и изоляцией» [2, с. 296]. Соборность же есть религиозная коммюнитарность.

Пафос свободы Бердяева много сильнее того, который присущ Хомякову. Поэтому и в трактовке отношения «свобода — соборность», «свобода — коммюнитарность» приоритеты Хомякова и Бердяева не совпадают. Для Бердяева абсолютный примат свободы — факт несомненный, вопрос о коммюнитарности (соборности) для него — вопрос вторичный, «вопрос другого порядка», нежели вопрос о свободе. Свобода предполагает способность и готовность совершить выбор между добром и злом. Ситуация выбора оказывается решающим этапом на пути самоопределения свободы, после чего она получает положительную или отрицательную направленность. Выбор невозможен без свободы, но сам он свободой подлинной не является: в нем получают реализацию те опытные знания, которые получил человек на пути развёртывания своей

¹ Например, А. А. Ермичев, один из исследователей творчества Бердяева, в термине «коммюнитарность» видит лишь более поздний и «европеизированный» заменитель термина «соборность», старинного термина русской религиозной философии (см.: [7]).

свободы. В ситуации выбора происходит становление человека как существа нравственного. Иначе говоря, свобода выбора есть только формальная свобода; подлинная свобода открывается человеку, когда событие выбора уже состоялось. Теперь свобода проявляется себя как творческое начало и выражается в усилении человека «быть», стремиться к созиданию собственной личности.

Автор работы «Три свободы Николая Бердяева» А. А. Ермичев полагает, что коммюнитарность, будучи свободой «общественного действия на началах абсолютных, т. е. религиозных, ценностей, воспринятых его участниками глубоко лично <...> реализацией творчески активного христианства» [7, с. 28], может быть представлена как третья свобода, не названная Бердяевым, но обнаруживающая свое присутствие в его построениях. Утверждение коммюнитарности как третьей свободы, наряду с различаемыми Бердяевым свободой иррациональной, избирающей (первой) и свободой разумной, просветленной (второй), не является бесспорным, и все же с ним можно согласиться.

Ядро экзистенциальной философии Бердяева составляет персонализм, который, по убеждению мыслителя, должен быть только коммюнитарным. Таким образом, Бердяев связывает свой персонализм с идеей коммюнитарности: личность коммюнитарна, она раскрывает свой образ через проникновение личностью Божественной и через проникновение другой человеческой личностью, т. е. состояние коммюнитарности, в котором пребывает личность, означает ее свободное общение не только с себе подобными, но и с Богом. Свобода представляется Бердяеву главным условием становления и самого существования человека как личности; именно свобода позволяет человеку определиться в его неповторимом бытии. Обезличение, измена своему «Я» есть, по глубокому убеждению философа, величайшее нравственное преступление, которое означает разрыв богочеловеческой связи. Бесконечное покидает человека, исходит из него, вследствие чего человеческое существо предстает лишь как биологический индивид, рожденный в родовом процессе и подверженный умиранию. Бог не создает личность, но задает ее, потому дальнейшее разворачивание Божьего проекта было возложено на человека; сотворение личности — задача самого человека. Бог наделил человека всеми необходимыми средствами для реализации «проекта», и прежде всего способностью к творчеству. Только на человека может быть возложена ответственность за «неудачу» в со-творении. Таким образом, Бог испытывает свободу и силу духа человека.

Любовь к свободе служит показателем «жизнестойкости» присущего человеку духовного начала, доказательством способности человека изжить в самом себе раба. Бердяев непрестанно подчеркивает, что торжество духа, который есть свобода, достигается ценой человеческих страданий, но эти страдания придают достигнутому особую ценность. Сила страдания, считает Бердяев, может выявлять большую внутреннюю глубину — главное «человеческое измерение».

Действительно, свободный человек или личность черпает свои силы из внутренних источников, повинуется и доверяется только своему внутреннему голосу, но не отвечает на какие-либо призывы извне (социума). Личность отнюдь не замыкается в себе, напротив, она открыта и обращена к другим, в ком уважает образ и подобие Божье.

Следует заметить, что Бердяев различает коммюнитарность нерелигиозную, которая предполагает присутствие Высшего, равно как и присутствие «ближнего» (человека), и коммюнитарность религиозную (соборность). Последнюю, как нам кажется, можно уточнить как «церковную», т. е. коммюнитарность как свободное

общение в любви церковного народа. Подобное различие было бы излишне в рамках христианской философии Хомякова, ограничивающего «область проявления» свободы духовно-мистическим организмом Церкви. Встреча Бога и человека, как она может быть «представлена» с позиций бердяевского экзистенциализма, совершается в духовном опыте, что, по-видимому, не требует особой, церковной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бердяев Н. А. Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. 334 с.
- 2 Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 382 с.
- 3 Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные, литературные. СПб.: Тип. М. В. Пирожкова, 1907. 446 с.
- 4 Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939. 222 с.
- 5 Гайденок П. П. Мистический революционаризм Н. А. Бердяева // Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
- 6 Гальцева Р. А. Н. Бердяев — философ творчества и теоретик культуры // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, ИЧП «Лига», 1994. Т. 1. 541 с. Т. 2. 542 с.
- 7 Ермичев А. А. Три свободы Николая Бердяева. М.: Знание, 1990. 64 с.
- 8 Лосский В. Н. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.

© 2022. Oksana A. Zapеka
Moscow, Russia

DOCTRINE OF COMMUNITARIANISM OF LATE N. A. BERDYAEV

Abstract: In his “Slavery and Freedom”, written and published in emigration, we come across Berdyaev’s notion of “communitarianism”: “...human person must live in a free communication, free communion, in communitarianism, built on Freedom and Love”. The concept of communitarianism as akin to the concept of communalism, which is according to Berdyaev came into being as a “creative discovery” of A. S. Khomyakov. In Khomyakov’s understanding communalism is first and foremost organic unity in freedom premised in commutual love. Although one should not take the idea of communitarianism as a leading in Berdyaev’s philosophy (as distinct from communalism of Khomyakov), he granted it a special attention in his teachings. “Comunitarianism” and “communalism” are related concepts, however one should hardly take them as identical. He associates “communitarianism” with notions “collective” and “communalism”. Communitarianism is a community and communality of personalities, it is personalistic, whereas in “collective reality” the person ceases to be an ultimate value. The motif of freedom in Berdyaev’s works is far more pronounced than that of Khomyakov. That is why priorities of Khomyakov and Berdyaev in their interpretations of correlation “freedom — communalism”, “freedom — communitarianism” do not align. Berdyaev links his personalism with the idea of communitarianism: personality is communitarian and reveals its image by letting in Divine personality and other human personality. He sees Freedom as the main condition of personal becoming and even the very existence

of a person as a personality; this is exactly the freedom that allows man to come to terms with his unique being. Although his assertion of communitarianism as the third freedom alongside with irrational freedom, selective (the first one) and rational freedom, enlightened (second), which he distinguishes, isn't absolutely undebatable, it may still be acceptable.

Keywords: N. A. Berdyaev, Freedom, Communitarianism, A. S. Khomyakov, Personality, Communalism, Personalism.

Information about the author: Oksana A. Zapeka — PhD in Philosophy, Head of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

E-mail: zana5@yandex.ru

Received: March 05, 2022

Approved after reviewing: May 10, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Zapeka O. A. Doctrine of Communitarianism of Late N. A. Berdyaev. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 81–87. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-81-87>

REFERENCES

- 1 Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-understanding]. Moscow, DEM Publ., 1990. 334 p. (In Russian)
- 2 Berdyaev N. A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesaria* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 382 p. (In Russian)
- 3 Berdyaev N. A. *Opyty filosofskie, sotsial'nye, literaturnye* [Philosophical, Social, Literary Experiments]. St. Petersburg, Tipografia M. V. Pirozhkova Publ., 1907. 446 p. (In Russian)
- 4 Berdyaev N. A. *O rabstve i svobode cheloveka* [About Slavery and Human Freedom]. Paris, YMCA-Press Publ., 1939. 222 p. (In Russian)
- 5 Gaidenko P. P. *Misticheskii revoliutsionarizm N. A. Berdyaev* [Mystical Revolutionism of N. A. Berdyaev]. In: N. A. *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p. (In Russian)
- 6 Gal'tsev R. A. N. Berdyaev — filosof tvorchestva i teoretik kul'tury [N. Berdyaev — the Philosopher of Creativity and the Theorist of Culture]. In: Berdyaev N. A. *Filosofia tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 Vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., IChP "Liga" Publ., 1994. Vol. 1. 541 p. Vol. 2. 542 p. (In Russian)
- 7 Ermichev A. A. *Tri svobody Nikolaia Berdyaeva* [Three Freedoms of Nikolai Berdyaev]. Moscow, Znanie Publ., 1990. 64 p. (In Russian)
- 8 Losskii V. N. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 480 p. (In Russian)